

Мунира Ватина

Не проси меня выбрать

18+

Мунира Вагина

Не проси меня выбрать

«Автор»

2026

Вагина М.

Не проси меня выбрать / М. Вагина — «Автор», 2026

Лера привыкла быть той, кого выбирают. Мужские взгляды, сообщения, случайные ночи и длинный список имён в телефоне годами помогали ей верить, что с ней всё в порядке. Пока однажды Антон спокойно не говорит: «Ты не в моём вкусе». Задетая сильнее, чем готова признать, Лера приводит на дачу свою лучшую подругу Нину — просто чтобы проверить, способен ли этот невозмутимый мужчина вообще потерять голову. То, что начиналось почти как невинная игра, быстро становится опасным. Лера всё глубже запутывается в ревности, желании быть нужной и страхе потерять подругу. Одно необдуманное вмешательство может разрушить отношения, которые она сама помогла создать. «Не проси меня выбрать» — психологический роман о любви и дружбе, ревности и границах, болезненной потребности нравиться и о самом трудном — перестать ждать, что тебя выберут, а наконец услышать, чего хочешь ты сама. И не испугаться.

© Вагина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Первая строчка	5
Глава 2. Пятеро на даче	10
Глава 3. Чужими руками	15
Глава 4. Место рядом	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Не проси меня выбрать

Глава 1. Первая строчка

Первую строчку Лера записала, сидя на краю чужой ванны. На коленях лежали джинсы, вывернутые одной штаниной наружу. Она никак не могла попасть ступнёй в эту штанину и наконец оставила попытки.

За дверью шумел чайник.

«Илья».

Телефон предложил поставить точку. Лера поставила, потом стёрла. Получалось слишком окончательно, словно человек умер или вопрос был решён, а ей хотелось продолжения.

Она добавила единицу перед именем.

Теперь всё выглядело правильно.

Восемнадцать ей исполнилось три недели назад. Илье было двадцать, он учился на соседнем факультете, носил рубашки с закатанными рукавами и умел говорить с преподавателями так, будто прощал им небольшую неловкость. Когда он впервые подождал её после пары, Лера прошла мимо: не поняла, что ждут именно её. Пришлось окликать.

Потом были две прогулки, пирожки из пекарни возле метро, его ладонь у неё на пояснице. От этого прикосновения она переставала слышать половину разговора. Не потому, что оно было особенно умелым. Просто теперь всякий прохожий мог увидеть: они вместе.

— Ты там живая? — спросил Илья из коридора.

Лера закрыла заметку.

— Нет. Передай в деканат.

— Тогда я твой чай выпью.

Она улыбнулась собственному отражению в тёмном экране, натянула джинсы и поднялась.

В ванной пахло порошком и влажной тряпкой. Под зеркалом стоял стакан с двумя зубными щётками — Ильиной и его младшего брата, который уехал с родителями на выходные. Лера разглядывала щётки с неожиданной нежностью. Ей разрешили остаться одной среди вещей, которых она ещё вчера не знала. Можно было открыть шкафчик, взять полотенце, повернуть кран сильнее. Никто не спросил бы, что она здесь делает.

На кухне Илья намазывал масло на хлеб. Крошки прилипли к запястью.

— С сыром будешь?

— Буду.

Он не изменился. Всё так же стоял, чуть отставив ногу, всё так же щурился на яркий свет из окна. Это удивляло. Лере казалось, после случившегося он должен смотреть на неё как-то иначе, внимательнее, что ли. Но он спросил, класть ли сахар, и рассказал про преподавателя, который третий год ходил с одним и тем же сломанным портфелем.

Она слушала и ждала слов, по которым можно будет понять, кем она стала.

— Ты красивая, — сказал Илья, заметив её молчание.

Лера опустила глаза к чашке.

Вот. Это годилось.

Домой она ехала стоя, хотя в вагоне были свободные места. Ей нравилось отражение в стекле: растрёпанные волосы, чуть размазанная тушь, незастёгнутая верхняя пуговица. Хотелось, чтобы кто-нибудь знакомый вошёл и всё понял, но никто не вошёл.

Телефон завибрировал у неё в ладони.

«Доехала?»

Она ответила, что ещё едет, и перечитала его вопрос. Потом снова открыла заметку.

Название пока отсутствовало. Лера набрала «Мои мужчины», посмотрела и поморщилась: так могла называться передача, которую смотрела бабушка, чистя картошку. «Любовники» звучало взросло, почти вызывающе. Будто у неё уже имелись собственная квартира, тонкие бокалы и серьги, которые нужно снимать перед сном.

Она выбрала это слово.

Единица перед Ильёй обещала, что ниже появятся другие имена. Не обязательно скоро. Возможно, через много лет, хотя мысль о многих годах с одним человеком была тогда не столько приятной, сколько непонятной: как заранее знать, чего захочется даже следующей весной?

Дома мать попросила поставить обувь на коврик.

— Грязь разнесёшь.

Лера вернулась в прихожую и переставила кеды. На кухне остывали котлеты, возле раковины мокла сковородка. Всё осталось на прежних местах, и это показалось почти оскорбительным.

— Есть будешь?

— Я ела.

— У кого?

— У Ильи.

Мать обернулась от плиты, но ничего не спросила. Только подвинула крышку, чтобы пар не капал на стол.

Лере хотелось одновременно спрятать своё лицо и рассказать всё, вплоть до двух зубных щёток. Она ушла в комнату, легла поверх покрывала и подняла телефон над собой.

Одна строчка занимала совсем мало места.

Они встречались ещё полтора месяца. Иногда Илья был нежным, иногда скучал при ней, не считая нужным это скрывать. Однажды он весь вечер читал что-то в телефоне, пока она сидела на его кровати в новой кофте. Лера долго расправляла рукава: на манжетах были маленькие перламутровые пуговицы. Он не заметил.

Потом начал реже писать.

Она придумала ему трудный зачёт, неприятности дома, усталость. Когда увидела его возле института с девушкой в зелёном шарфе, первой мыслью было: родственница. И только потом заметила, как он держит её за пальцы.

Сцен не получилось. Для сцены нужно было подойти, а Лера стояла через дорогу и ждала зелёного света. Пока загорелся нужный человечек, они скрылись за углом.

Вечером Илья написал, что не готов к серьёзным отношениям.

Она ответила: «Кто тебе их предлагал?»

Отправив, прижала телефон к груди. Хотелось вернуть сообщение, заменить его другим — спокойным, смешным, таким, после которого он сразу понял бы, что ошибся. Вместо этого Лера открыла список.

Удалять имя она не стала.

Он мог больше не ждать её у аудитории. Но первая строчка оставалась за ней: то, что уже случилось, нельзя было забрать обратно.

Вторым стал Саша.

С ним она познакомилась на дне рождения однокурсницы. Он наливал всем вино, а ей принёс воды, потому что заметил пустой стакан. Лера запомнила именно это. Позже, рассказывая подруге, сказала, что у него красивые руки.

Саша никуда не исчезал. Звонил, предлагал встретиться, однажды привёз мандарины и пакет лекарств, когда она простудилась. Лера обнаружила, что может не торопиться с ответом. Сначала это было приятно. Потом стало скучно, и за скуку она на себя сердилась: вроде бы получила всё, чего недавно просила у телефона.

Но рядом с ним ей не хотелось ни разговаривать до утра, ни молчать. Даже его забота требовала благодарности, которую приходилось из себя выдавливать.

Она сказала, что ничего не получится. Он спросил почему.

— Не знаю.

Саша ещё несколько секунд держал пакет за ручки, хотя уже поставил его на стол.

— Понятно.

Лере стало стыдно. Однако вечером, вписывая второе имя, она почувствовала и другое: теперь не только её могли оставить.

Список рос неровно. Бывало, по полгода не прибавлялось ни строчки; случалось, два имени появлялись за один месяц. За некоторыми оставались целые комнаты: жёлтая кухня, матрас под окном, книжный шкаф с треснувшим стеклом. Другие пришлось снабдить пояснениями. «Денис, с моря». «Друг Вики». Двух Андреев она различала по фамилиям, а потом одну фамилию забыла и написала рядом: «Рыжий».

Были те, кого хотелось вернуть. И те, при мысли о ком она до сих пор улыбалась в метро. Один мужчина перед сном обязательно складывал одежду на стул, даже если они возвращались пьяными под утро. Другой так хорошо целовался, что Лера однажды проехала свою остановку, просто вспомнив его. С третьим они больше смеялись, чем занимались любовью, и расстались без обиды: он уехал в другой город, а ей не хотелось ехать следом.

Она не считала эти ночи ошибками.

Ей нравились мужские голоса, близость, возможность самой притянуть человека за ворот рубашки. Иногда желание было простым и ясным, без всяких доказательств. Но рядом с ним жило другое, более въедливое чувство. Оно заставляло замечать, кому первому предложили стул, на кого посмотрели, когда открылась дверь, у кого попросили номер телефона.

После вечера, на котором никто ею особенно не заинтересовался, Лера могла долго стоять перед зеркалом, оттягивая волосы от лица. Проверяла, не слишком ли крупный нос. Поворачивалась боком. Вытягивала шею.

Потом открывала записку.

Помогало.

* * *

В двадцать пять она уже не возила с собой зубную щётку на случай ночёвки. Если собиралась остаться, так и говорила. Если хотела уехать, вызывала машину. Умела попросить воды, закрыть окно, убрать руку, которая лежала неудобно. Перестала смеяться над шутками только потому, что рядом раздевался мужчина.

С Кириллом она познакомилась в пятницу, а в субботу утром проснулась у него.

Сначала услышала, как в соседней квартире передвигают стул. Потом почувствовала под щекой горячую складку наволочки. Кирилл лежал на спине, прикрыв глаза предплечьем. Во сне его рот чуть приоткрылся; вчерашняя уверенность исчезла, осталось усталое лицо человека, которому рано вставать.

Лера осторожно выбралась из постели.

В ванной нашла одноразовую щётку в упаковке. Таких в стакане стояло несколько. На секунду ей захотелось пересчитать, затем она рассердилась на себя и разорвала прозрачный пакет.

В зеркале отражалась женщина с припухшими губами и следом подушки на щеке. Вчера она себе нравилась. Ночью тоже было хорошо — не настолько, чтобы забыть всё на свете, но достаточно, чтобы утром не придумывать срочных дел.

Из кухни донёсся грохот.

— Всё в порядке? — крикнула Лера.

— Кофе решил умереть за свободу.

Она вышла в его рубашке. Кирилл стоял над рассыпанными зёрнами и держал пустую банку.

— Пылесос есть? — спросила она.

— Есть. Но это унизительно — начинать знакомство с пылесоса.

— Можно веником. Он благороднее.

Кирилл рассмеялся.

Они убрали зёрна, сварили кофе из оставшегося, съели хлеб с мягким сыром. На столе лежали квитанция, отвёртка и засохшая половинка лимона. Лера водила пальцем по сколу на краю тарелки, пока он рассказывал про младшую сестру, которая собиралась купить собаку, но пока купила только поводок.

Ей было легко. Ничего не требовалось изображать.

У двери Кирилл поцеловал её и задержал ладонь на затылке.

— Напиши, как доберёшься.

— Я в соседний район еду, не через тайгу.

— Всё равно.

В машине она смотрела на людей возле пекарни. Один держал под мышкой батон, другой пытался развернуть коляску, не выпуская бумажного стаканчика. Город занимался субботой, и Лере тоже хотелось в неё включиться: купить продукты, постирать бельё, наконец пришить пуговицу к пальто.

Она написала из лифта: «Дома».

Кирилл почти сразу ответил: «Хорошего дня».

Потом добавил улыбающееся лицо.

Лера убрала телефон в сумку, открыла дверь, сняла ботинки. В квартире пахло вчерашним кремом для волос. На спинке стула висело платье, которое она сначала выбрала для встречи, а потом забракowała: слишком старалась.

Она приняла душ, поставила стирку, сварила яйца. Пока вода закипала, проверила переписку.

Ничего нового.

Это было нормально. У него могли быть дела. Взрослый мужчина не обязан весь день сидеть с телефоном после одной ночи, пусть даже удачной.

Лера почистила яйцо и обнаружила, что скорлупа отходит вместе с белком. Выругалась, разрешила второе пополам прямо в скорлупе, стала есть ложкой.

В половине второго он появился в сети.

Она увидела это случайно — хотела написать подруге. Закрыла переписку, не написав никому.

После трёх Лера выложила фотографию, сделанную несколько дней назад: она за столиком у окна, чашка возле локтя, волосы убраны за ухо. Снимок был хороший. Не вызывающий, не нарочитый. Просто человек пьёт кофе и прекрасно проводит время.

Кирилл посмотрел через двенадцать минут.

Она положила телефон экраном вниз.

Через несколько секунд перевернула: вдруг не заметила сообщение.

Ей не обязательно хотелось снова к нему. Она ещё не знала, интересен ли он ей вне постели и кухни, о чём они будут говорить через неделю, раздражает ли её то, что он отвечает вопросом на вопрос. Но выяснить это можно было только после того, как он предложит встретиться.

Самой написать тоже было можно.

Лера набрала: «Как твоя суббота?»

Прочитала и стёрла. Слишком похоже на просьбу вспомнить о ней.

К вечеру бельё высохло. Она сняла его с раскладной сушилki, сложила полотенца, нашла наволочку без пары. Из открытого окна тянуло жареным луком. Во дворе мальчик звал кого-то домой, надрываясь на последнем слоге.

Лера села на диван и открыла старую записку.

Теперь список приходилось долго листать. Имена съезжали вверх под пальцем: знакомые, почти забытые, одно с опечаткой, которую она всякий раз замечала и не исправляла.

Внизу появилась новая строчка.

«Кирилл».

Она поставила следующий номер.

Посмотрела на него, вернулась в переписку и положила телефон рядом, достаточно близко, чтобы экран было видно, не поворачивая головы.

Глава 2. Пятеро на даче

Калитку пришлось приподнять за мокрую перекладину. Лера вспомнила об этом, когда уже испачкала ладонь ржавчиной.

— Паша! У тебя тут всё разваливается!

Из глубины участка ответили:

— Не всё. Я пока держусь.

Она толкнула калитку бедром и прошла по дорожке, стараясь не задеть голыми щиколотками крапиву. После дневного дождя сад пах прелой травой и железом. Между яблонями провисла верёвка с двумя полотенцами; под одним стояло ведро, словно кто-то всерьёз собирался собрать всю стекающую воду.

Павел вышел с веранды в переднике поверх растянутой рубашки. На груди у него было написано что-то про главного повара, но надпись сложилась в неприличное слово.

— Давай сумку.

— Сначала поздоровайся.

Он наклонился, подставляя щёку. Лера придержала его за подбородок и поцеловала рядом с ухом.

— Вот теперь можешь забирать. Там помидоры. Только не говори, что у тебя свои.

— Свои у матери. Мать с дачей развелась, а помидоры оставила себе.

Паша подхватил пакет, и она задержала пальцы на его запястье — ровно настолько, чтобы он заметил. Заметил: оглянувшись с лестницы.

В доме хлопала оконная рама. На подоконнике стоял стакан с засохшими кистями, а под вешалкой теснились чужие ботинки, резиновые сапоги и один меховой тапок. Всё было знакомо, вплоть до запаха старого дерева, который появлялся здесь даже летом, едва начинало топиться железное брюхо печки.

— Наконец-то, — сказал Денис из комнаты. — Я уже думал, нам придётся друг на друга смотреть.

— Полезное упражнение. Может, хоть познакомитесь.

Он вышел навстречу с открытой бутылкой вина. Светлые волосы прилипли ко лбу; видимо, опять играл с Олегом в настольный теннис на веранде, где стол стоял так близко к стене, что половину ударов принимала штукатурка.

— Тебе красное?

— Мне сначала зеркало.

— Я могу рассказать.

Лера посмотрела на него снизу вверх.

— Только с подробностями.

— Платье хорошее.

— Скучно живёшь, Денис.

Она сняла куртку и повесила поверх Пашиной кепки. Платье и правда было хорошее: тёмно-зелёное, простое, с узкими бретелями, которые то и дело приходилось возвращать на плечи. Покупая его, Лера долго уверяла продавщицу, что ищет что-нибудь удобное для жары. Жара закончилась три дня назад, но отступать она не собиралась.

Олег сидел у окна с телефоном, вытянув больную после футбола ногу. При её появлении убрал экран вниз.

— Привет, красавица.

— А если бы я пришла страшная?

— Мы бы свет выключили.

Она щёлкнула его по затылку и тут же погладила там, где ударила.

— За это будешь меня кормить.

— С ложечки?

— Начни с тарелки. Не надо сразу замахиваться на сложное.

Кирилл, устроившийся на продавленном диване, отодвинул лежавшую рядом гитару.

— Сюда садись. Здесь единственное место, где пружина не впивается в задницу.

— Ты его для меня берег?

— С обеда мучаюсь.

Лера села, коснувшись коленом его ноги, и позволила забрать у себя сумочку. Кирилл положил её на стол так бережно, будто внутри спал кто-то маленький.

Пятого в комнате не было.

— А Антон где?

Павел кивнул на кухню:

— Ремонтирует моё наследство. Я попросил стул подклеить, теперь боюсь заходить.

— Потому что ты его скотчем чинил, — донеслось оттуда.

— Зато быстро.

— Он и падал быстро.

Лера рассмеялась чуть громче, чем требовалось, но в дверях никто не появился.

Она выпила вина, послушала, как Олег объясняет Кириллу, почему нельзя брать машину у знакомых, даже если знакомые хорошие, и вскоре поднялась — якобы за водой.

Антон сидел за кухонным столом. Перед ним на старой газете лежала деревянная пере-
кладина от стула, рядом стояли клей и небольшая металлическая трубцина. Он счищал что-
то с конца перекладки коротким ножом. Рукава серой рубашки были закатаны неровно: один
до локтя, другой выше.

— Ты приехал отдыхать или заработать?

Он поднял глаза.

— Привет. Отдыхать.

— Незаметно.

— Зато тихо.

Лера прислонилась к дверному косяку.

— Это ты сейчас нас всех оскорбил?

— Нет. Просто здесь тихо.

Он улыбнулся без задней мысли, и от этого ей пришлось придумывать следующую реплику самой.

Они были знакомы с зимы. Антон появлялся не на каждой встрече, обычно приезжал позже остальных и не оставался до утра. Работал с мебелью: возвращал к жизни чужие комоды, кресла, письменные столы. Лере нравилось, как это звучит, хотя она ни разу не спросила, что именно он с ними делает. В её представлении мастерская состояла из солнечной пыли, красивых инструментов и вещей с тайниками.

Сейчас всё выглядело прозаичнее. Под ногтями у него темнели узкие полоски, на пальце белел старый порез, а на газете сохла грязная ватная палочка.

— Мне стул принести? — спросил он.

— Зачем?

— Ты стоишь.

— А вдруг мне нравится?

— Тогда не надо.

Он снова взялся за перекладину.

Лера открыла шкафчик, нашла стакан со стёртой золотой полосой и пустила воду из крана. Струя ударила в раковину так резко, что забрызгала платье.

— Чёрт.

Антон молча подал полотенце.

— Спасибо. Ты всегда такой предупредительный?

— Когда у меня полотенце под рукой.

На этот раз она засмеялась по-настоящему. Он посмотрел на неё, будто хотел понять причину, и тоже чуть улыбнулся.

Этого оказалось достаточно, чтобы вернуться в комнату в хорошем настроении.

До ужина оставался час. Дождь собрал всех в доме, потом перестал, но мужчины продолжали обсуждать, не начнётся ли снова, словно от результата совещания зависела погода. Лера забралась с ногами на диван. Кирилл прикрыл её ступни краем пледа.

— Замёрзла?

— Нет, просто хочу, чтобы обо мне заботились.

— Это мы можем.

— Вы все так говорите.

Павел вынес блюдо с сыром, помидорами и огурцами, нарезанными огромными косыми ломтями. Денис поставил музыку. Олег наконец оставил в покое свою машину и пересел ближе.

С ними было легко. Каждый знал, когда подхватить шутку, когда сделать вид, что обиделся, а когда протянуть бокал. Ничего не требовалось решать. Можно было слушать одного, улыбаться другому, попросить третьего застегнуть браслет, хотя застёжка отлично слушалась и её собственных пальцев.

Лера любила эту короткую паузу, когда мужчина брал её за руку. Сперва он занимался делом, потом дело заканчивалось, а руку не отпускали ещё мгновение. В этом мгновении помещалось всё, ради чего стоило ехать за город.

Браслет застегнул Олег.

— Готово.

Она повернула запястье, рассматривая тонкую цепочку.

— Красиво?

— Очень.

— Я про браслет.

— И я.

— Врёшь плохо.

— Зато искренне.

Кирилл театрально вздохнул, Денис предложил ему не мешать людям, Паша попросил оставить помидоры хотя бы к мясу.

Когда Антон вошёл, Лера сидела между Олегом и Кириллом, а её бокал держал Денис: она показывала руками, как женщина в метро пыталась пронести через турникет торшер. История была не особенно смешной, но слушали хорошо.

Антон остановился у стола, взял кусок сыра.

— Садись к нам, — сказала Лера.

— Я пока руки вымою.

— Ты же уже ешь.

Он посмотрел на сыр, усмехнулся:

— Верно.

И всё равно ушёл.

Она закончила рассказ быстрее, чем собиралась. Последнюю реплику испортил Павел, который начал смеяться заранее. Пришлось повторить, но уже без прежнего удовольствия.

Антон вернулся с чашкой чая и сел на подоконник. На вопросы отвечал, над шутками смеялся; однажды перебил Олега, чтобы уточнить название дороги. Ни застенчивым, ни угрюмым он не был. Просто Лера для него как будто ничем не отличалась от остальных.

Она спросила о работе.

- А что самое дорогое тебе приносили?
- По цене?
- Нет, по нежности. Конечно, по цене.
- Не всегда знаю. Страховую стоимость говорят, если везу сам.
- И ты не боишься испортить?
- Боюсь. Поэтому сначала смотрю, что можно сделать.
- А если нельзя?
- Не берусь.

Павел потянулся за огурцом.

- Подтверждаю. Мне шкаф отказался делать. Сказал, дешевле новый купить.
- У тебя там опилки под плёнкой.
- Зато ручки красивые.

Разговор съехал на Пашин шкаф, затем на ремонт ванной. Лера слушала, прижав холодное стекло к губам. Она задала вопрос, он ответил — ничего дурного. Но почему нельзя было хоть раз посмотреть на её плечи? Бретель сползла, и она не сразу поправила её.

Денис заметил.

Антон — нет.

Когда снаружи окончательно посветлело, Павел поднялся разводить угли. За ним потянулись остальные. Олегу понадобился помощник донести миску с мясом, хотя до беседки было шагов двадцать; Кирилл пошёл искать сухие дрова, Денис — давать советы.

Антон допил чай и направился на кухню.

Лера подождала, пока хлопнет наружная дверь, затем встала с дивана. Из-под пледа выскользнула её сумочка. Она поймала её за ремешок, положила обратно и почему-то аккуратно расправила плед.

На кухне пахло клеем и заваркой. За открытым окном Денис спорил с хозяином о жидкости для розжига.

— Ты тоже сейчас уйдёшь? — спросила она.

Антон стоял у раковины с чашкой в руке.

— Наверное. Паше помочь.

— Там уже четверо помогают.

— Это да.

Она вошла и остановилась у края стола. На газете лежал стул, перевёрнутый ножками вверх. Сжатые струбциной детали выглядели беспомощно, будто их оставили под присмотром.

— Я хотела спросить.

Он ждал.

Можно было ещё отступить. Спросить про стул, про мастерскую, попросить достать с полки салфетки. Лера даже посмотрела на шкафчик.

— Почему ты меня не хочешь?

Антон поставил чашку в раковину.

За окном что-то упало, и Павел громко выругался. В кухне было слышно, как капает неплотно закрытый кран.

— Ты не в моём вкусе.

Он сказал это негромко. Не отвёл глаз, не усмехнулся. Лера успела заметить у него на щеке маленькую царапину, которой раньше не видела.

— Прямо так?

— Ты спросила.

Она кивнула, словно получила полезные сведения.

Лучше бы он сказал какую-нибудь грубость. Тогда можно было бы ответить. Назвать его самодовольным, посоветовать посмотреть в зеркало, рассмеяться так, чтобы слышали во дворе. Но он стоял перед ней без всякого торжества, и обижаться на него выходило нелепо.

— А какой у тебя вкус?

Вопрос выскочил раньше, чем она успела его остановить.

Антон помедлил.

— Лера, я не знаю, как это объяснить.

— Да я не экзамен устраиваю.

— Понимаю.

Ей захотелось, чтобы он перестал понимать. Чтобы занервничал, начал оправдываться, сказал наконец что-нибудь глупое.

— Вообще-то это была шутка.

Он ничего не ответил.

Она взяла с подоконника пачку салфеток.

— Паша просил вынести.

Просил он или нет, она не помнила.

На крыльце пришлось остановиться: каблук застрял между досками. Лера дёрнула ногу слишком сильно и едва не потеряла равновесие. Ухватила за перила, высвободила туфлю, посмотрела на содранную кожу обтяжки.

— Ну отлично, — сказала она.

— Чего там? — крикнул Денис.

— Ничего.

В беседке уже накрывали стол. Олег освободил ей место, сдвинув локтем пакет с хлебом.

— Иди сюда. Я тебе лучший кусок выберу.

Лера положила салфетки рядом с тарелками.

— Ты сначала приготовь. А то обещать вы все умеете.

Голос звучал как обычно. Это обрадовало её больше, чем следовало.

Она села, вытянула ноги, позволила Кириллу накинуть ей на плечи свою куртку. Паша принёс мясо, с которого капал сок, Денис снова налил вина. Кто-то говорил о поездке на озеро, кто-то доказывал, что ночью непременно будет тепло.

Антон появился последним, забрал свободный стул с другого конца стола. Не избегал её, но и не пытался заглядывать то, что произошло на кухне. Однажды попросил передать хлеб.

Она передала.

Весь вечер Лера старалась не смотреть в его сторону и потому замечала каждое движение: как он отломил горбушку, как вытер ладонь о салфетку, как наклонился к Паше, не расслышав вопроса.

Когда стемнело, она вышла за дом, где возле бочки почти не ловила связь. Достала телефон. На экране отразилось её лицо, разрезанное бликом фонаря.

Лера открыла камеру, убрала волосы за ухо и повернулась так, чтобы свет падал сбоку. Снимок вышел удачный. На втором она улыбалась.

Из беседки позвали:

— Лер, ты где?

— Сейчас!

Она выбрала первую фотографию, увеличила, рассмотрела рот, ключицы, тёмную линию бретели. Потом погасила экран.

В темноте улыбаться больше не требовалось.

Глава 3. Чужими руками

К среде Лера уже придумала Антону три ответа. Один — короткий, почти равнодушный; другой — смешной, чтобы он тоже засмеялся и сам отменил свою фразу; третий требовал, чтобы они оказались на той кухне ещё раз, причём он стоял бы ближе, а она была бы в другом платье.

Ни один не годился для отправки сообщением.

Она лежала поперёк кровати, свесив ноги, и разглядывала пятно на потолке. Соседи сверху однажды залили её, потом пришли с коробкой конфет и обещанием всё покрасить. Конфеты давно съели. Пятно осталось, похожее на страну, из которой никто не возвращался.

«Ты не в моём вкусе».

Не оскорбление. Даже не грубость, если разобраться. Человек ответил на прямой вопрос, а она теперь четвёртый день разбиралась.

Лера подняла телефон над лицом и открыла общую переписку. Там обсуждали субботу: уголь, мясо, чей-то сломанный насос. Антон написал только, что приедет после двух.

Она нажала на его фотографию. На снимке он сидел возле перевернутого кресла и держал зубами карандаш. Ни улыбки, ни попытки выглядеть интереснее, чем есть. Это раздражало почти так же сильно, как отказ. Даже здесь не старался.

В личной переписке у них было четыре сообщения. Адрес дачи, уточнение про электричку и два её ответа. Послать что-нибудь случайное было некуда: случайность пришлось бы сначала выстроить.

Лера закрыла его фотографию.

Нинино сообщение пришло, когда она уже собралась вставать.

«Если будешь поблизости, принеси еды. Любой, которую не надо разводить кипятком».

Следом появилась фотография руки с тремя напёрстками на пальцах.

«Я эволюционирую в кухонную утварь».

Лера рассмеялась, села и набрала:

«Буду через час. Людей ещё ешь?»

«Только режиссёров. Но они жилистые».

До театра было сорок минут с пересадкой. По дороге она купила в маленькой пекарне пироги с капустой и мясом, потом вернулась за сладким: Нина всегда говорила, что не хочет, а в конце отламывала от чужого куска. Продавщица уложила всё в бумажный пакет, и Лера прижала его к себе, грея ладонь через дно.

У служебного входа пришлось звонить. Наконец щёлкнул замок, и из-за двери показалась Нина — с карандашом в волосах и узкой полоской синей ткани на плече.

— Ты прекрасный человек, — сказала она пакету.

— Мне тоже приятно тебя видеть.

— Тебя я обниму, когда вымою руки. Здесь мел.

Они прошли по коридору мимо батареи, на которой сохли чьи-то носки. За приоткрытой дверью мужчина с усами повторял одну и ту же фразу, каждый раз всё громче; у лестницы стояли два одинаковых золотых трона, один без сиденья. Лера любила приходить сюда. Всё, что из зрительного зала казалось дорогим и убедительным, вблизи держалось на фанере, скобах и чужом недосыпе.

В мастерской пахло нагретой тканью. Возле окна на манекене висело недошитое платье, по полу тянулся удлинитель. Нина освободила край стола, переложив ножницы и куски тесьмы.

— На эскизы не ставь. Сейчас.

Она накрыла бумаги чистой бязью, вымыла руки в крошечной раковине и потянулась к пирогам.

— Не садись на тот стул.

Лера замерла.

— Там булавки?

— Нет. Он складывается без предупреждения. Почти как некоторые мои отношения.

Она сказала это с полным ртом и тут же принялась ловить крошки ладонью.

У Нины были покрасневшие веки и след от резинки на запястье. Тёмные волосы она собрала кое-как, но несколько прядей выбились и касались щёк. Лера смотрела, как подруга жадно ест, и думала, что сама в таком состоянии выглядела бы несчастной. Ей понадобились бы душ, тушь, чистая одежда — хоть что-нибудь, что возвращало бы лицу намерение нравиться. Нине словно не требовалось это намерение. Можно было сидеть под потолочной лампой, шуриться от горячего чая и всё равно заставлять входящего человека на мгновение забыть, зачем он пришёл.

— Что? — спросила та.

— Ничего. Ты давно спала?

— Сегодня или вообще?

— Понятно.

— Сегодня четыре часа. Потом мне приснилось, что мы неправильно сняли мерки. Я проснулась, приехала и проверила.

— И?

— Правильно. Очень полезная поездка.

Нина отодвинула пакет, провела пальцем по внутреннему краю кружки, снимая прилипшую нитку.

— А ты чего такая тихая?

Лера хотела рассказать. Даже представила, как начнёт: «Слушай, я тут получила по самолюбию». Нина наверняка усмехнулась бы, спросила, зачем было лезть к человеку с таким вопросом. Потом сказала бы что-нибудь простое и окончательное, после чего пришлось бы признать: история закончилась на кухне, возле раковины.

Вместо этого Лера взяла последний пирожок с капустой.

— Замоталась.

— На работе?

— И там тоже.

Нина кивнула без расспросов. Она умела оставлять человеку место, и обычно Лере это нравилось.

На столе под чашкой лежал рисунок мужчины в длинном потёртом сюртуке. Лера освободила угол листа.

— Красивый.

— Этот? Он должен быть жалким.

— У тебя не получилось.

— Подожди, пока его наденут.

Нина забрала рисунок и убрала подальше от еды. Лера проводила взглядом её руку — длинные пальцы, короткие ногти, тонкий порез возле большого. И вдруг вспомнила Антона: как он за столом слушал спор о какой-то певице, ничего не говорил, только крутил в пальцах обломанную зубочистку.

А если бы напротив сидела Нина?

Мысль возникла сразу готовой, без осторожного «может быть». Он перестал бы вертеть эту дурацкую деревяшку. Поднял бы голову. Нашёл бы слова, вопросы, повод задержаться рядом.

Лера почувствовала такое ясное облегчение, что даже расправила плечи.

Вот и выяснилось бы, какой у него вкус.

Она не собиралась ничего доказывать Нине. Ей хотелось увидеть, как переменится Антон. Как исчезнет его скуповатое спокойствие, как он подвинет стул, начнёт прислушиваться, предложит чай прежде, чем его попросят. Оказывается, живой. Оказывается, всё умеет.

И случится это потому, что Лера привела подругу.

— Ты в субботу работаешь? — спросила она.

— По замыслу мироздания — нет.

— А по замыслу вашего режиссёра?

— Он пока не знает, что у меня выходной.

Лера усмехнулась.

— Поехали на дачу.

Нина посмотрела на неё с недоверием.

— На какую?

— Я же рассказывала. Где была на прошлых выходных. Дом нормальный, есть горячая вода. Не надо будет добывать огонь трением.

— Я всё ещё не понимаю, почему именно это ты решила мне обещать.

— Потому что ты боишься дач.

— Не дач. Принудительного веселья. Когда приехала отдохнуть, а тебе дают мяч и назначают капитаном.

— Мяча не будет.

— Запиши.

— Будет еда, веранда и люди, которые не попросят ушить им брюки.

Нина опустила взгляд на синий лоскут, всё ещё лежавший у неё на плече, и сняла его.

— Последнее звучит подозрительно хорошо.

Лера принялась рассказывать про дом: облупившиеся ступеньки, длинный стол под яблоней, соседскую собаку, которая приходила к ужину с видом приглашённой родственницы. Вспомнила, как в прошлую субботу все искали соль, а она стояла посреди стола в банке из-под кофе. Нина слушала, доедая сладкий пирог, и постепенно перестала поглядывать на недошитое платье.

Это была хорошая часть затеи. Настоящая. Подруге действительно требовалось выбраться из комнаты, где день измеряли не часами, а количеством оставшихся швов.

— Компания какая? — спросила она.

— Нормальная. Ты никого не знаешь, но я буду.

— Очень обстоятельная рекомендация.

— Ну, взрослые люди. Выпивают, разговаривают, иногда несут чушь. Как мы, только едят больше.

— Мужчины?

— Пятеро.

Нина медленно поставила кружку.

— Лера.

— Что?

— Ты предлагаешь мне выходной или испытание?

— Там никто к тебе не полезет.

Сказав это, она почувствовала досаду: слишком быстро пообещала то, чего знать не могла.

— В смысле, если кто-то начнёт надоедать, уедем, — добавила она. — Я серьёзно. Без уговоров остаться ещё на час.

Подруга помолчала, водя ногтем по шву на рукаве.

— На вечер?

— До вечера. Вернёмся электричкой.

— Без ночёвки.

— Да поняла я.

За стеной с грохотом что-то уронили. Нина прислушалась, подождала, не позовут ли её, и снова потянулась за пирогом.

— А ещё там есть один человек, — сказала Лера. — Мне кажется, вам было бы интересно познакомиться.

— Вот теперь мы подошли к делу.

— Да нет никакого дела.

— Тогда почему у тебя такой голос?

— Какой?

— Как у женщины, которая уже сообщила моей маме дату свадьбы.

Лера рассмеялась слишком поспешно.

— Дура. Он мебель реставрирует. Старую. Ты же любишь всё это — дерево, ткани, чтобы у вещей была история.

Нина посмотрела на неё поверх кружки.

— Люблю. Но жить собираюсь всё-таки не с комодом.

— Он не комод. Просто спокойный. Руками умеет работать. Один живёт.

— Последнее ты откуда знаешь?

— Разговаривали.

О его квартире действительно говорили за общим столом. Антон собирался менять проводку и объяснял кому-то, почему не может уехать на неделю. Лера тогда спросила, кто будет кормить его кота, и выяснилось, что кота у него тоже нет. Всё, что она знала, умещалось в этот нелепый разговор.

— А он хочет знакомиться? — спросила Нина.

Лера загнула угол бумажного пакета.

— Я его анкету не брала. Просто подумала, что вы можете понравиться друг другу.

Это прозвучало разумно. Даже заботливо. Почти каждая женщина хотя бы раз знакомила подругу с одиноким мужчиной. Никто не требовал при этом предъявлять все причины, включая самые некрасивые.

— Только не объявляй ему, что везёшь невесту, — сказала Нина.

— Господи, за кого ты меня принимаешь?

Подруга не ответила: в дверях появилась пожилая женщина с жилетом на вытянутой руке.

— Ниночка, посмотри. Он опять говорит, что в плечах тянет.

— Потому что он опять надел его на свитер. Сейчас приду.

Лера встала, собрала бумажные салфетки. На бязи осталось небольшое жирное пятно, и она зачем-то положила поверх него пустой пакет.

— Так едешь?

— Если завтра сдадим эту радость.

— Мне нужен твой твёрдый ответ.

— Зачем? Вы мне поросёнка отдельного заказываете?

— Чтобы ты в субботу не придумала себе работу.

Нина подняла на неё глаза. Усталость делала их темнее.

— Еду. Но если мне там станет не по себе, мы уйдём.

— Конечно.

Обняв подругу на прощание, Лера почувствовала под ладонями острые края лопаток. Захотелось сказать: «Даже если не понравится, хоть поешь нормально». Вместо этого она пообещала написать, на какую электричку брать билет.

На улице уже зажглись фонари. Перед служебным входом курили двое мужчин в одинаковых спортивных штанах, и один посторонился, пропуская Леру. Она отошла к остановке, достала телефон.

В общей переписке всё ещё спорили о покупках.

«Я буду с подругой. Нина, художница по костюмам. Вытащу её из театра, пока она там не поселилась».

Ответили почти сразу.

«Привози».

«Ещё один человек, значит, берём больше мяса».

Потом кто-то спросил, красивая ли подруга.

Лера набрала: «А тебе зачем?» — и стёрла.

«Красивая», — написала она.

С минуту смотрела на экран, ожидая новых сообщений. Антон молчал. Она открыла список прочитавших: его имени там пока не было.

Подошёл автобус. Пока Лера искала проездной и устраивалась у окна, телефон дрогнул в ладони. Нина прислала фотографию синего платья, теперь уже с обоими рукавами.

«Мы почти победили. Спасибо за еду. И за то, что вывозишь».

Лера приблизила снимок. В узком зеркале за манекеном отражалась подруга: босая, в чёрных брюках, с поднятой рукой. Такая уставшая, что даже улыбалась не ртом, а только одной щекой.

Можно было ещё рассказать. Позвонить и сказать: «Я там кое к кому пристала с дурацким вопросом. Он отказал, и меня заело». Посмеяться вместе, пережить несколько неловких секунд. Нина, скорее всего, всё равно поехала бы — или не поехала. Но тогда пришлось бы оставить ей это решение, уже настоящее, со всеми подробностями.

Автобус дёрнулся, и Лера стукнулась локтем о стекло.

Она написала: «Тебе понравится».

Потом вернулась в общую переписку. Антон прочитал сообщение. Ничего не ответил.

Теперь это уже не так раздражало.

В субботу она приведёт Нину. Остальное он сделает сам.

Глава 4. Место рядом

Дверь открыл Павел, вытирая руки полотенцем. На щеке у него чернела полоса сажи; из глубины дома тянуло печным теплом и подгоревшим хлебом.

— Ну наконец. Мы уже собирались объявлять розыск.

— Меня или еду? — спросила Лера, поднимая пакет.

— Сначала еду.

Он потянулся к пакету, но увидел Нину и взял вместо него пустой воздух.

Лера успела заметить эту заминку. Всю дорогу от станции ей было тревожно и весело, как перед розыгрышем, который уже невозможно отменить. Сейчас веселье стало почти физическим: захотелось расстегнуть куртку, глубже вдохнуть.

— Это Нина. Я говорила.

— Очень приятно. Павел.

Он переложил полотенце в левую руку, зачем-то посмотрел на правую и только потом протянул её.

Нина поздоровалась. У неё покраснел от ветра нос, на плече пальто лежала мокрая берёзовая серёжка. Она попыталась стряхнуть её, но та зацепилась за ворс.

Антон вышел из кухни с чашкой. Лера ждала, что он кивнёт, скажет своё обычное «привет» и вернётся к плите, возле которой всегда находилось что-нибудь полезное. Однако он остановился на пороге.

Это продолжалось недолго. Вполне можно было решить, что человек просто не ожидал гостей в эту минуту. Но Лера уже знала, куда смотреть: на руку с чашкой, на чуть приоткрытый рот, на то, как он выпрямился.

Вот, подумала она.

Нина ещё даже не сняла пальто.

— А это Антон, — сказала Лера. — Тот самый, который может спасти любой шкаф.

— Не любой, — ответил он.

— У меня как раз есть один безнадежный.

— Покажешь.

Он произнёс это слишком быстро, словно они давно договаривались о встрече и теперь оставалось выбрать день.

Павел наконец забрал продукты. Нина расстегнула пальто, и Антон поставил чашку на комод, под запотевшее зеркало, чтобы помочь ей. Они неловко взялись за один рукав.

— Спасибо, я сама.

— Да. Конечно.

Лера отвернулась, пряча улыбку, и принялась стаскивать ботинки. Её собственную куртку никто не предложил повесить.

* * *

В большой комнате с низким потолком Игорь пытался подключить к телевизору маленькую чёрную коробку, Денис листал что-то в телефоне, а Костя сидел на диване, вытянув ноги к печке. На столе уже стояли тарелки с сыром, огурцами и хлебом; возле банки с маринованными грибами лежала отвёртка.

— Только не спрашивайте, — сказал Павел, убирая её. — Крышка победила.

Лера представила Нину остальным.

Костя немедленно убрал ноги. Денис положил телефон экраном вниз. Игорь вылез из-за телевизора, ударился затылком о край полки и сказал, что всё равно смотреть там нечего.

Перемена была такой слаженной, что Лера едва не рассмеялась.

Обычно она входила в эту комнату под ленивые поддёрвки. Кто-нибудь спрашивал, сколько мужчин пострадало за неделю, она отвечала, что статистика ещё уточняется; ей наливали вино, двигали стул, продолжали прерванный спор. Её появление давно не требовало от них собраться.

Теперь мужчины словно вспомнили, что у них есть плечи.

Нина стояла возле стола, придерживая сумку обеими руками.

— Куда это можно положить?

— Давай сюда, — сказал Денис и освободил кресло от своего свитера.

— Лучше в спальню, там никто не сядет, — возразил Павел.

— В ней ножницы и коробка булавок. Садиться действительно не стоит.

— Ты всегда вооружена? — спросил Костя.

— С работы еду.

— Нина делает костюмы для театра, — пояснила Лера.

— Шьёт? — уточнил Игорь.

— И придумывает. Иногда ещё распарывает то, что вчера придумала.

Костя засмеялся первым, хотя Нина сказала это без особой весёлости. Антон стоял у дверей, и Лера видела, что он тоже улыбается.

Она подвела подругу к дивану.

— Садись. Мы сейчас всё принесём.

— Я помогу.

— Не надо, ты гость.

— А Лера, значит, уже обслуживающий персонал? — спросила Нина.

— Лера здесь почти собственник, — сказал Павел. — Только в расходах не участвует.

— Я украшаю помещение.

— В этом месяце особенно дорого вышло отопление.

Разговор на несколько секунд снова стал привычным. Лера обрадовалась этой маленькой передышке и пошла за бокалами.

Когда она вернулась, Костя уже пересел на край дивана, оставив возле себя место. Его раскрытая ладонь лежала на обивке, будто он придерживал пустоту.

— Нин, здесь не дует.

— А у печки не жарко? — спросил Антон.

— Нормально здесь, — ответил Костя.

Нина посмотрела на обоих, потом села на свободный стул у торца стола.

— Мне отсюда до грибов ближе.

Лера поставила перед ней бокал. Хотелось встретиться с подругой глазами, разделить смешное, но та уже спрашивала Павла, сам ли он их мариновал.

* * *

Антон взялся резать хлеб, хотя нарезанного было достаточно.

Нож плохо шёл через нижнюю корку. Он переставил доску ближе к краю, надавил, и ломоть отвалился слишком толстый. Вышло похоже на работу человека, впервые оказавшегося на кухне.

Из комнаты доносился голос Нины. Она рассказывала про актёра, который уверял, что не прибавил ни килограмма, пока на примерке у него не разошёлся жилет.

— И что ты ему сказала? — спросил Денис.

— Ничего. Он стоял и держал пуговицу. Тут слова только мешают.

Антон улыбнулся, глядя на хлеб.

Ему нравился её голос — чуть ниже, чем он ожидал, с короткими паузами перед ответом. Нравилось, что она не спешила заполнять их смехом. Он уже помнил маленькую нитку на

манжете её платья и плоский след от кольца на среднем пальце. Кольца не было; почему он заметил именно отсутствие, объяснить себе не хотелось.

Телефон дрогнул возле доски.

В общей переписке, где обычно обсуждали продукты, дорогу и сломанный насос, появилось сообщение от Кости:

«Лера, такую подругу прятать — свинство».

Следом написал Денис:

«Я отвезу её домой. Даже не начинайте».

Антон посмотрел в дверной проём. Денис сидел вполоборота к Нине, положив локоть на спинку её стула. Пока не касался — только осваивал пространство.

«Сначала узнай, хочет ли она с тобой ехать», — написал Павел.

Костя прислал:

«Антон уже пальто принял. Пока мы языками чешем, человек работает».

На экране возникло обращение к нему:

«Мастер, признавайся, понравилась?»

Он мог убрать телефон. Мог выйти с хлебом и спросить Нину про шкаф. Но увидел себя их глазами: стоит у вешалки, ловит чужой рукав, обещает помощь женщине, которая ещё не успела назвать его по имени.

Надо было ответить так, чтобы не засмеяли.

Он набрал:

«Я бы с неё не только пальто снял».

Прочёл. Нажал.

Ответы пришли сразу.

«Тихоня проснулся».

«Очередь занимай».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.